

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ И БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Веряскина Валентина Петровна
Институт философии РАН, Москва

Идея совершенствования человека в историческом развитии общества. Идея совершенствования человека и преобразование его природы в определенном социокультурном контексте не нова. Новым мы сегодня воспринимаем вопрос о направленности, векторе движения к определенному образу человека, которого мы считаем совершенным. Можно выделить, по крайней мере, три подхода, которые уже реализовались в историческом развитии: это нормативный подход, рефлексивный и научно-технологический. Нормативный подход связан с культурной традицией, где идеал человека и должное, достойное поведение декларируется и реализуется в процессах социализации. Примерами могут служить модель «благородного человека» в китайской культурной традиции, человека как Путника тайны и наместника Бога на земле в исламской культурной традиции, трактовка человека как образа и подобия Бога в христианской традиции.

Рефлексивный подход к улучшению человека на пути к движению к совершенству предполагает практики «заботы о себе» (Мишель Фуко), активный процесс самовоспитания, самоанализа, работу мысли над собой. Современный вариант рефлексивного подхода связан с поисками идей более справедливого общества, насколько это возможно в условиях капитализма, что связано с обсуждением и реализацией равенства возможностей в обществе и распределением ресурсов развития. В данном социально-историческом контексте актуальна проблема развития человеческих качеств и личностного потенциала. Как глобальный проект человеческое развитие трактуется как процесс расширения возможностей людей вести долгую и здоровую жизнь, приобретать знания и иметь доступ к ресурсам материальным и духовным, был инициирован Программой развития ООН в 1990 г. Этот проект позволил на основе статистических данных по отмеченным базовым параметрам показать рейтинг стран по показателю ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала), улучшение и динамику развития человеческого потенциала как основного ресурса социального и экономического развития стран. На индивидуальном уровне рефлексивный подход реализуется в политике стиля жизни, основанной на выборе. Известный социолог Энтони Гидденс в работе «Современность и самоидентичность» отмечает, что жизненная политика – политика выбора – связывается с репродуктивными технологиями, модой, влиянием экспертного знания и СМИ на индивидуальность человека как рефлексивный проект [12]. Нарастающей тенденцией становится переход от духовных практик нравственного самосовершенствования на основе традиций и внутренней

духовной работы к надеждам на научно-технические возможности улучшения и конструирования человека.

Достижения и вызовы в области человеческого развития в условиях рискогенного общества. Мир, в котором ты живем сегодня, тесно связан с понятиями возможности и неопределенности с представлениями о риске. Обратим внимание на определение риска, которое даёт Гидденс. «Риск – это не тоже самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее – это территория, подлежащая завоеванию и колонизации. Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, – а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени» [3, с. 39]. Есть риски, связанные с внешними угрозами (неурожаи, наводнения, эпидемии) и так называемые рукотворные риски, возникающие в результате человеческой деятельности. Именно они сегодня вызывают особую озабоченность и проблематизируют вопрос об управлении рисками.

В Докладах, посвященных человеческому развитию, в рамках Программы развития ООН (ПР ООН), представляется следующая картина развития на глобальном уровне [5, с. 4].

В период с 1990 г. мир значительно продвинулся вперед по пути человеческого развития [5, с. 4]. Люди живут дольше, большее число детей ходит в школу, улучшился доступ к чистой воде и базовым санитарно-гигиеническим условиям. Глобальное значение ИЧР (Индекса человеческого развития) выросло более, чем на четверть, а в наименее развитых странах – наполовину. Численность людей, живущих в условиях низкого уровня человеческого развития, снизилась с 3 млрд в 1990 году до 1 млрд в 2014 году. Этот прогресс вместе с повышением доходов способствовал формированию самого высокого уровня жизни в истории человечества. В период с 1990 по 2015 год:

- бедность по доходам в регионах развивающихся стран снизилась более чем на 2/3;

- число живущих в крайней нищете во всех странах мира сократилось с 1,9 млрд человек до 836 тысяч;

- детская смертность снизилась более чем вдвое, а смертность детей до пяти лет упала с 12,7 до 6 млн человек;

- свыше 2,6 млрд человек получило доступ к улучшенным источникам питьевой воды, а 2,1 млрд человек – к улучшенным санитарно-гигиеническим условиям. При этом население планеты выросло с 5,3 до 7,3 млрд человек.

Вместе с тем, человеческий прогресс ещё нестабилен, распространены лишения, значительная часть человеческого потенциала остается неиспользованной:

- в странах мира 795 млн человек страдают от хронического голода;

– каждую минуту умирает 11 детей в возрасте до 5 лет, а каждый час – 33 матери;

– около 37 млн человек заражено ВИЧ, а 11 млн – туберкулезом;

– более 660 млн человек пользуются неусовершенствованными санитарно-гигиеническими сооружениями;

– во всем мире 780 млн взрослых и 103 млн молодежи (15–24 г.) неграмотно.

К числу тяжелейших лишений относится неиспользование человеческого потенциала в работе:

– в 2014 году, согласно официальным данным о безработице, 204 млн человек не имело работы (из них – 74 млн молодежи), а 830 млн человек были малоимущими работающими (живущими на 2 доллара в день);

– в мире 1,5 млрд человек относится к сфере незащищённой занятости, что означает отсутствие достойных условий труда и неохваченность социальным обеспечением.

Эту картину можно дополнить рядом проблем:

– проблемой роста неравенства доходов (в 2016 году на долю 80% населения мира пришлось только 6% мирового богатства, на долю же 1% населения – более половины);

– экологической проблемой (ожидается, что к 2050 году доля горожан превысит 2/3 населения мира, что составит 6,2 млрд человек, и это станет тяжким испытанием для адаптационной способности городов);

– проблемой климатических изменений (во всем мире общины становятся более уязвимыми к последствиям изменения климата, включая угрозу оскудения биологического разнообразия, что особенно важно для выживания многих бедных сообществ. Около 1,3 млрд человек живет на уязвимых землях, и это далеко не полное описание проблем и лишений, характерных для социоприродного взаимодействия).

Такая картина социального развития человеческих ресурсов с точки зрения будущих последствий имеет рискогенный характер и требует мер по управлению социальными рисками, которые уже в настоящее время обозначились в форме неконтролируемой миграции, террористических войн и цветных революций. Социальные технологии управления социальными рисками в области человеческого развития связаны с приверженностью *принципу всеобщности* на глобальном и национальном государственном уровне. «Государство всеобщего благосостояния, истоки которого можно проследить еще в “законах о бедных”, принятых в елизаветинской Англии, – это, по сути, система управления рисками (*risk management*). Она призвана защищать от опасностей, некогда рассматривавшихся как воля богов, – болезней, потери трудоспособности, безработицы и старости» [3, с. 39].

На глобальном уровне выработаны принципы управления рисками, которые могут быть реализованы при соответствующих ресурсах и полномочиях на уровне государств. Они сформулированы в одном из последних Докладов ООН о человеческом развитии с характерным

названием: «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости». Приверженность *принципу всеобщности* означает всеобщее предоставление социальных услуг, укрепление социальной защиты и обеспечение полной занятости. Это важное социально-политическое решение, которое должно лежать в основе формирования долгосрочной жизнестойкости для стран и граждан. В Докладе поясняется [4]:

– *всеобщее предоставление социальных услуг* предполагает доступ к образованию, медико-санитарной помощи, водоснабжению и канализации, общественной безопасности. Всеобщий характер мер содействует социальной солидарности, причем доступ к базовым элементам достойной жизни не следует увязывать с платежеспособностью;

– *укрепление социальной защиты* включает в себя страхование от безработицы, развитие пенсионных программ, регулирование рынка труда. Сильная социальная политика не только улучшает индивидуальную жизнестойкость, но и содействует жизнестойкости экономики в целом;

– *обеспечение полной занятости* как всеобщего доступа к достойному труду является ключевым элементом формирования жизнестойкости в масштабах общества; оно способствует усилению психологической субъектности, созданию социальных связей, социальной стабильности и социальной сплоченности, безопасности, в то время как безработица связана с ростом преступности, самоубийств, насилия, употребления психоактивных веществ.

Следует отметить, что осведомленность о том, что снижение уязвимости и формирование жизнестойкости имеют большое значение для устойчивого человеческого развития, вписывается в национальные контексты развития и может влиять на стратегии, повышающие качество человеческого капитала.

Мы указали на значимость принципа всеобщности в решении актуальных проблем и вызовов, связанных с развитием человека. Однако реальная практика его проведения в жизнь далека от совершенства. Слабость государственных социальных технологий, обусловленная ограниченностью ресурсов, доминированием транснациональных компаний, связанных с международным капиталом и финансами, и тем самым сужающих возможности национальных государств, особенно в сфере рынка труда, приводит к возникновению *индивидуализированного общества* (Зигмунт Бауман) в последней трети XX – начале XXI века. Утрачивается былая сбалансированность общественного и частного, за счет которого поддерживалась устойчивость социального порядка, «общественное колонизируется частным», «публичный интерес деградирует до любопытства к частной жизни “общественных деятелей”, а общественные проблемы, которые не могут быть подвергнуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными» [1, с. 267, с. 62–63].

Индивидуализация рассматривается Бауманом, в первую очередь, как отрицание форм социальности, известных из прошлого. В новых условиях не

только масштабные социальные задачи подменяются ложными желаниями и стремлениями, но и сами люди отказываются от «долгосрочной ментальности» в пользу «краткосрочной». В этой связи «личное и общественное остаются неразрывно связанными, но жизнь человека становится не столько взаимодействием с обществом, сколько *биографическим разрешением системных противоречий*» [курсив наш – В. В.]. Об этой же тенденции изменения положения человека на современном этапе социального развития говорит и Ульрих Бек в работе «Общество риска. На пути к другому модерну» [2, с. 189–201].

Индивидуализированное общество характеризуется тремя главными признаками, считает Бауман:

– утратой человеком контроля над большинством значимых социальных процессов;

– возрастающей в связи с этим неопределенностью и прогрессирующей незащищенностью личности перед лицом неконтролируемых ею перемен;

– возникающим в таких условиях стремлением человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов.

Таким образом, положение человека в условиях индивидуализированного общества, его жизненный путь и биография становятся насыщенными рисками, часто непредсказуемыми с точки зрения будущих последствий. «Явление, которое исследователи стараются постичь, это совокупный опыт неуверенности человека в его положении, в правах, в доступных средствах к существованию, неопределенности относительно преимущества и будущей стабильности, отсутствие безопасности для физического тела человека, его личности и их продолжений – имущества, социального окружения, сообщества» [2, с. 194]. Эта неопределенность связана с социальным и психологическим переживанием таких проблем, как общественное неравенство, бедность, безработица. Причём нарастающая неопределенность воспринимается уже как естественный способ существования. Особенно значимыми, и потому болезненно воспринимаемыми, становятся проблемы, связанные с трудом.

Один из важнейших социальных трендов XXI века связан с трансформацией общества наемного труда. Он зависит от конструктивного разрешения проблемы разделения людей на востребованных в мире труда и способных проявить позитивный индивидуализм и «беспольных миру», характеризующихся негативным индивидуализмом. Трансформации индивидуализма в значительной степени обусловлены становлением и изменениями общества наемного труда, которое достигает расцвета в 60–70-е гг. XX века и с этого же времени начинается его размывание, совпадающее с периодом рефлексивной модернизации с соответствующими социальными последствиями.

В современном обществе на передний план выходит социальная проблема непрочности, уязвимости, исключения, сегрегации, заброшенности,

дезаффиляции⁵. Известный историк Роберт Кастель показал, как проблематика уязвимости и социального исключения, претерпевая исторические метаморфозы, связанные с трудом, местом в социальном разделении труда, статусом, обусловленном трудом, правовыми гарантиями и социальным страхованием, достигнутым значительными усилиями, приходит к новой неустроенности и нестабильности наёмного работника в современной социальной ситуации. «Процесс разрушения стабильности затрагивает прежде устойчивые сектора занятости. Происходит возвращение к той массовой уязвимости, которую удалось победить с таким большим трудом. И в этом движении нет ничего «маргинального». Подобно тому, как пауперизм XIX века находился в самом центре первой индустриализации, нестабильная занятость является главным процессом, порождаемым новыми технологическими и экономическими требованиями современного капитализма. К удивлению современников, именно в этом состоит «новый социальный вопрос», имеющий те же масштабы и то же значение, что и пауперизм I половины XIX века» [6, с. 474–475].

Кастель даёт такую характеристику «лишним людям» и приводит своё понимание «негативного индивидуализма»: «Наше общество будто бы с удивлением вновь открывает для себя существование группы населения, которая, как считалось, ушла в прошлое, а именно – «лишних людей», находящихся в обществе, но не принадлежащих к нему. Это лишние люди, живущие на своего рода социально нейтральной территории, не интегрированы, и их невозможно интегрировать, по крайней мере, в смысле Дюркгейма, когда он говорит об интеграции как о принадлежности к обществу, образующему единое целое из взаимозависимых элементов.

Социальная бесполезность дисквалифицирует их в политическом и гражданском плане. В отличие от подчинённых групп индустриального общества – эксплуатируемых, но необходимых, они не могут влиять на ход вещей. Это «социально бессильные» и «лишние нормальные люди». Проблемой является именно сам факт их существования. *Поскольку эти индивиды определяются негативно (беспольные, социально бессильные), то размеры этой группы трудно определить. И обычно они это сознают*» [6, с. 478] [курсив наш – В. В.].

Сегодняшняя антропологическая ситуация – это массовый индивидуализм, но вот формы его реализации социально неравноценны. Уже XVIII век может интерпретироваться как встреча двух форм индивидуализации: «Утверждается «позитивный» индивидуализм, связанный

5

Деаффиляция – от понятия аффиляция – стремление принадлежать к какой-либо социальной группе, быть интегрированным в неё, иметь связи с членами данной группы. Мотив аффиляции – один из основных (наряду с мотивами достижения и власти) мотивов человеческого поведения. Деаффиляция, таким образом, есть разрыв связи с группой, утрата чувства принадлежности.

с попыткой перестроить общественное целое на контрактной основе. С введением своеобразной контрактной матрицы, *индивидуализм стал востребованным, т. е. требовалось, чтобы индивиды, не имеющие средств, действовали как самостоятельные индивиды*» [6, с. 478; с. 473] и «*негативный индивидуализм*», который ощущался как *изъятие* из членства в коллективах. Такая форма индивидуализма, которая сочетает полную независимость индивида с полным отсутствием прочности его положения, характеризует «негативный индивидуализм». Он индивид в чистом виде и вследствие этого всего лишен. «Он индивидуализировался настолько, что стал сверхнезащищенным, выделился из плотной ткани зависимостей и взаимозависимостей»[6, с. 542].

Можно сделать вывод: современный процесс индивидуализации глубоко амбивалентен, противоречив. Он угрожает обществу фрагментацией, которая делает его неуправляемым, поляризует общество, так как существуют те, кто сочетает индивидуализм с независимостью, поскольку имеет прочную социальную позицию – «позитивный индивидуализм», и те, кто несет свою индивидуальность как крест, так как она означает недостаток социальных связей и отсутствие защиты – «негативный индивидуализм».

Это ставит вопрос о социальной сплочённости. Нам необходимо не полное равенство, но базовые условия для всех, минимальная гарантированная социальная защита, являющаяся предусловием социального гражданства. Этот тренд – трансформация индивидуализации, является, на наш взгляд, важнейшей тенденцией, формирующей контуры будущего. Вектор развития будет зависеть от таких факторов, как *интеллектуальная рефлексия*, направленная на понимание ситуации во всей её сложности; *политическая воля*, направленная на социальную сплоченность общества и *роль социального государства* как социального института, создающего нормативный базис, противодействующий «негативному индивидуализму».

Управленческие техники и жизненная политика выбора как тенденции трансформации человека. Многие исследователи указывают на то, что управленческие техники будут всё более расширяться в воздействии на человека. Историк и социолог Герман Кан, например, считает, что в ближайшие тридцать три года в возможных технических изобретениях обнаружится большое количество средств и способов контроля за поведением и изменением личности, таких как [10, с. 108]:

- новые всеобъемлющие техники надзора и мониторинга;
- новые, более надежные «образовательные и пропагандистские техники», влияющие на частное и общественное поведение;
- способы практического использования непосредственной электронной коммуникации для стимулирования работы мозга;
- новые разнообразнее лекарственные препараты для контроля над утомляемостью, релаксацией, тревожностью, настроением, личностью, восприятием, фантазиями;

- проверенные возможности «перемены пола»;
- различные способы генетического контроля конституции индивида и влияния на нее.

Какие риски несут подобные управленческие техники, возможность которых не исключена в будущем и уже отчасти реализуется в настоящем?

По мнению Юргена Хабермаса, это может, во-первых, отщепить человеческое поведение от системы норм культуры и вместо этого с помощью непосредственного физического и психологического влияния интегрировать в саморегулирующиеся подсистемы типа человек – машина; во-вторых, с помощью психотехнических манипуляций поведением исключить субъектную интерпретацию культурных норм; в-третьих, путём биотехнологического вмешательства в эндокринную систему и генетическую передачу наследственной информации привести к ещё более глубокому контролю над поведением. Тогда должны будут полностью атрофироваться старые зоны сознания, развившиеся в коммуникации на основе языка. Вывод Хабермаса состоит в следующем: «Самообъективация человека была бы завершена в запланированном отчуждении – люди бы стали творить свою историю по собственной воле, но неосознанно» [10, с. 108]. Таким образом, место определенного культурой самопонимания социального жизненного мира занимает самоовеществление человека в рамках целерационального действия и адаптивного поведения.

В современной литературе обсуждаются вопросы «трансгуманизма» и возникновения «постчеловека» как более совершенного индивида, что связывается с идеями улучшения биологического тела человека, причем иногда в аспекте генетической специализации людей будущего. При этом не учитывается тот факт, что человек – это сложная, самоорганизующаяся система, изменение одного из элементов которой ведет к изменению остальных элементов системы, что может вести к непредсказуем и неуправляемым последствиям. Мы присоединяемся к позиции тех, кто считает, что «риски всегда сопутствуют радикальным трансформациям человека как биосоциальной системы» (В. С. Степин). «В отличие от трансгуманистов, – пишет В. С. Степин, – я не воспринимаю позитивно-восторженной сценарий постчеловека... Если игнорировать ситуации риска при генетических манипуляциях с биологической составляющей человеческой телесности, то скорее всего, будут созданы условия не для совершенствования человека, а для новых кризисов и социальных катастроф» [8, с. 40–41]. Одной из таких угроз, обоснованно пугающих человека, является страх потери *человеческой* идентичности, размывание границы между естественным человеком и его искусственно созданными аналогами [11, с. 106]. К искусственно созданным аналогам – «искусственный человек» – относятся робот, андроид, киборг. «В триаде “человек-андроид-животное” киборги и андроиды, “искусственные люди”, имеют общее с человеком, прежде всего, способность к логическому мышлению и целеустремленность, в то время как общим для человека и

“человекозверей” являются физиология и витальность. Человек по сравнению со своими гибридами, является чем-то вроде “золотой середины”, человек умеет подчинить физиологию и инстинкты разуму и мысли, однако способен также на эмоциональность и спонтанность» [7, с. 106]. Вопрос о природе человека как вида, его идентичности имеет длительную историю самопонимания и саморепрезентаций, выделяющих сущностные доминанты – разум, труд, открытость, незавершенность и другие особенности, но в век биотехнологий и биомедицинских технологий этот вопрос приобретает особый смысл. Наука и основанные на знаниях технологии дают возможность, с одной стороны, оказывать позитивное терапевтическое воздействие на человека, его телесность и психику, но, одновременно с этим, создают соблазн улучшения человеческой природы, а на индивидуальном уровне – расширяют возможности выбора.

Если управленческие техники, о которых шла речь, воздействуют на человека извне, то жизненная политика предполагает *выбор*, это политика *выбора стиля жизни* (Энтони Гидденс) [12]. Она связана с самореализацией человека в обществе позднего модерна, опирается на научный потенциал предлагаемых к использованию технологий. Политика жизненных решений, проистекающая из свободы выбора, ставит вопросы о создании морально-оправданных форм жизни, порождает мораль, которая озабочена вопросом, как нам следует жить в посттрадиционном обществе. Жизненная политика затрагивает *самоидентичность* человека, которая сегодня становится рефлексивным проектом. Применительно к проблеме индивидуальности человека *политику стиля жизни, основанную на выборе, можно считать базовой социальной технологией*. Какие же проблемы выбора формируют самоидентичность как рефлексивный проект? Гидденс указывает на эти болевые точки:

– гендерная идентичность: останется ли личность анатомически с тем же полом, в котором родилась;

– проблема аборта: может или нет правообладатель тела иметь право на произведенное им. Является ли зародыш человеком? Как это соотносится с философским определением человека, правами человека и нравственностью;

– в условиях позднего модерна тело стало условием рефлексивной реструктуризации. В традиционном обществе оно «было дано», теперь его границы изменяются, так как в него входят *рефлексивная программа индивидуальности* при посредничестве абстрактных систем (экспертное знание). Это путеводители, практические руководства о том, как заниматься здоровьем, внешним видом, упражнениями, любовью и т. д. Это социальные технологии, преобразующие естественное. Обращение к телу инициирует новый поиск идентичности, и стратегии телесного развития занимают значительное место в жизненном планировании.

В итоге, совершенствование и его предполагаемый результат – «совершенный человек» – мыслится теперь не столько на пути духовного самосовершенствования, как было на этапе, предшествующем поздней

современности, сколько на пути телесных практик, в том числе, распоряжения телесными продуктами и частями тела.

Чем больше мы рефлексивно «делаем себя» как личности, тем больше сама категория того, чем является личность или человеческое существо, выходит на первый план, то есть возникает вопрос о границах, в которых человек остается человеком.

Важнейшей из биотехнологий в современном мире становится *проблема репродукции*. Это и социальная непрерывность воспроизводства человека, и биологическое продолжение вида. «Биологическая» репродукция к настоящему времени является полностью социальной, что связано с появлением безопасных методов контрацепции, рефлексивного контроля над сексуальными практиками, введением репродуктивных технологий различных видов, и в итоге, превращением её в поле, где превалирует множественность выборов. Гидденс считает, что «конец» репродукции как судьбы связан с «концом природы» [12]. В результате этого возникают совершенно новые, ранее не существовавшие явления:

– потенциал генной инженерии представляет дальнейшее прекращение репродукции как природного процесса, т. е. нарушается целевая связь между жизнью и биологической эволюцией;

– перемена пола влияет не только на репродукцию, но и на физическую конституцию и проявления сексуальности, возникает проблема гендерной идентичности и самоидентичности;

– репродуктивные технологии видоизменяют возрастные оппозиции между фертильностью и стерильностью; искусственное оплодотворение и зачатие в пробирке полностью отделяет репродукцию от традиционных категорий гетеросексуального опыта. Становится возможным суррогатное отцовство, материнство, в том числе и в гомосексуальных браках. Кроме того, возможны технологии определения пола эмбрионов и их имплантация, заморозка эмбриона, клонирование и т. п.

Какова оценка жизненной политики основанной на индивидуальном выборе и научных технологиях? Можно ли эти процессы считать совершенствованием человека, улучшением его природы? Думается, что ответ неоднозначен. Эти практики амбивалентны, так как наряду с лечебными эффектами, несут в себе значительные риски. Во-первых, это риск, связанный с тем, что социализированная репродукция соотносит индивидуальные решения с преемственностью самого человеческого вида. Хабермас считает, что современное общество находится «на пути к либеральной евгенике», и речь идет о самоинструментализации человеческого вида. Во-вторых, это риск, связанный с включением в абстрактные системы (знания, экспертизы) роста населения как главного ресурса и потенциала любой страны. В-третьих, это риск того, что индивидуальное принятие решений может привести к непредсказуемым демографическим последствиям (к примеру, гендерному дисбалансу и дисбалансу по половому признаку).

Положительными моментами, возникающими в связи с жизненной политикой, является возвращение на социально-значимое место моральных и экзистенциальных вопросов. Это восстановление нравственности в общественной жизни и обновление тематики моральных дискуссий о различных вариантах стилей и образов жизни.

Прогресс научного знания, его влияние на улучшение человеческой природы в проекте «Геном человека» и его этические основы. Беспрецедентным для предшествующего исторического развития общества стали новые знания в области биологии и медицины, способные повлиять посредством практического применения биотехнологий на человеческую природу. К их числу относятся пренатальная диагностика наследственных заболеваний, оплодотворение в пробирке, трансплантация органов, генная инженерия. Эти и многие другие биомедицинские технологии, связанные, к примеру, с расшифровкой генома человека и пр., дают большие надежды на их терапевтическое использование во благо человека, улучшение его здоровья и эффективное лечение. Вместе с тем, они, однако, порождают новые, ранее неизвестные проблемы и риски, как морального, так и правового порядка. В обществе, в философии, медицинской практике и научно-исследовательских коллективах идут активные дискуссии о том, какие моральные и правовые нормы считаются наиболее адекватными на современном этапе развития науки, особенно в связи с расшифровкой генома человека и возможностями практического использования этого знания.

Биоэтика как наука, возникшая как ответ на этот вызов и запрос общества, сформулировала базисные принципы и правила. «Выделяют следующие принципы – принцип “делай благо”, принцип “не навреди”, принцип автономии личности и принцип справедливости. К трём основным моральным правилам принадлежат “правило правдивости”, “правило конфиденциальности” и “правило информированного согласия”» [8, с. 15].

Все эти принципы и правила подробно разъясняются и комментируются в Декларациях и заявлениях международных комитетов по этике. Среди этих документов особенно важны такие, как Конвенция Совета Европы «О защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине», Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека, «Декларация Бильбао», «Декларация Инуяма» и другие документы. Анализ этих регулятивных международных документов и заявлений указывает на обязательность соблюдения в области использования достижений современной биологии и медицины принципа защиты достоинства и индивидуальной целостности каждого человека; на требование гарантировать уважение личности, её основных прав и свобод; на необходимость совершенствовать национальное законодательство в этой области. В Конвенции Совета Европы отмечаются такие важные положения как *приоритет человека*, то есть превалирование интересов и блага отдельного человека над интересами общества и науки; требование

осуществления медицинского вмешательства только после добровольного информированного согласия; право на частную жизнь и информацию, то есть право каждого человека на уважение собственной частной жизни и сведений о своем здоровье. Особый социально-этический смысл приобретает положение о запрещении любой формы дискриминации по признаку генетического статуса того или иного лица (статья 11). Это касается приёма на работу, страхования, кредитования и других социальных акций.

Трансформация человеческого потенциала – улучшение состояния здоровья, эффективное лечение наследственных заболеваний, улучшение демографических показателей народонаселения на основе пренатальной диагностики, трансплантация органов и тканей человека – возможна сегодня на базе научного знания и биотехнологий, что можно считать современным этапом улучшения человеческой природы. Вместе с тем, фундаментальные проблемы биологии и медицины, особенно их социально-экономические, этические и юридические аспекты должны подвергаться широкому общественному обсуждению. Это важно потому, что наряду с улучшением и пользой, которую они могут принести, возникают серьезные риски. Именно поэтому важна социальная коммуникация с целью достижения консенсуса в этико-правовом регулировании и определении границ безопасного вмешательства в человеческую природу.

Список литературы

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
4. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. – М.: Весь мир, 2015. – 236 с.
5. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития. – М.: Весь мир, 2016. – 284 с.
6. Кастель, Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Р. Кастельс. – СПб.: Алетейя, 2009. – 574 с.
7. Кожевникова, М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии / М. Кожевникова. – М.: ИФ РАН, 2017. – 106 с.
8. Степин, В. С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков / В. С. Степин // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий) – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2016. – 270 с. – С. 26–41.
9. Тищенко, П. Д. Проект «Геном человека»: этические и правовые нормы / П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы). – М.: РНБ РАН, 1998. – 190 с. – С. 9–24.
10. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2007. – 208 с.
11. Юдин, Б. Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий / Б. Г. Юдин // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. V. – С. 102–118.
12. Giddens, A. Modernity and Self-Identity / A/ Giddens. – Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1991. – 256 p.